

1001 ночь.

Сказка о Камар-аз-Замане и жене ювелира

[Сказка о Камар-аз-Замане и жене ювелира, ночи 963-970](#)

[Сказка о Камар-аз-Замане и жене ювелира, ночи 971-978](#)

Рассказывают также, о счастливый царь, что был в древние времена один купец, по имени Абд-ар-Рахман. И наделил его Аллах дочерью и сыном, и дочь он назвал Каукаб-ас-Сабах из-за ее красоты и прелести, а сына он назвал Камар-аз-Заман из-за его великой красоты. И когда он увидел, какой одарил их Аллах красотой, прелестью, блеском и соразмерностью, он побоялся для них зла от глаз смотрящих и языков завистников, и козней коварных, и ухищрений развратников и скрывал их от людей в одном доме четырнадцать лет, так что никто их не видел, кроме их родителей и невольницы, которая им служила.

А их отец читал Коран, как ниспослал его Аллах, и мать их тоже читала Коран. И мать стала обучать свою дочь, а отец обучал сына, пока дети не запомнили Коран и не научились письму, счету, наукам и вежеству от отца и матери, так что не нуждались в учителе.

И когда мальчик достиг возраста мужей, жена купца сказала: "До каких пор ты будешь скрывать твоего сына Камар-аз-Замана от людей? Что он девочка или мальчик?" – "Мальчик", – ответил ей купец. И она молвила: "Раз он мальчик, почему ты не возьмешь его с собой на рынок и не посадишь его в лавку, чтобы он знал людей, и люди знали его, и им стало бы известно, что он твой сын. Научи его покупать и продавать, может быть, с тобой что-нибудь случится, и люди будут знать, что он твой сын, когда он наложит руку на твое наследство. Если же ты умрешь теперь и он скажет людям: "Я сын купца Абд-ар-Рахмана", – ему не поверят и скажут: "Мы тебя не видели и не знаем, что у него есть сын". И твое имущество возьмут власти, а твой сын будет лишен всего. И дочку я тоже хочу показать людям, – может быть, кто-нибудь, ей равный, посватается к ней, и мы выдадим ее замуж и порадуетесь на нее". – "Это от страха людского глаза", – сказал купец..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестьдесят четвертая ночь

Когда же настала девятьсот шестьдесят четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда жена купца сказала ему эти слова, он ответил ей: "Это от страха людского глаза, так как я люблю моих детей, а любящий сильно ревнив, и отличился тот, кто сказал:

Ревную тебя к себе самому, и к взорам

Моим, и к тебе, и к бегу часов, и к месту.

Когда б тебя вложил я в мои очи,

Вовек мне близость бы не надоела.

И если б каждый день мы были вместе,

До воскресенья дня, – мне было б мало".

И жена его сказала ему: "Положись на Аллаха! Не будет беды с тем, кого хранит Аллах! Возьми его с собой сегодня в лавку". И она одела мальчика в платье из роскошнейших одежд, и он стал искушением для взвешивающих и огорчением для сердец влюбленных. И отец взял его с собой и отправился с ним на рынок. И всякий, кто видел мальчика, пленялся им, и подходил к нему, и целовал ему руку, и приветствовал его. А его отец ругал людей за то, что они шли за ним следом, чтобы поглядеть на его сына. И некоторые люди говорили: "Это" солнце взошло и засияло на рынке". А другие говорили: "Место восхода луны – в такой-то стороне". Другие же говорили: "Появился серп луны праздника над рабами Аллаха" [669]. И все они намекали на мальчика словами и желали ему блага, и его отца охватил стыд из-за слов людей, но он не мог никому из них запретить говорить и стал ругать мать Камар-аз-Замана и проклинать ее, так как это она была причиной выхода мальчика.

И отец Камар-аз-Замана обернулся и увидел, что люди толпятся за ним и перед ним, когда он идет. И наконец они дошли до лавки, и Абд-ар-Рахман отпер лавку, и сел, и посадил перед собой своего сына. И, посмотрев на людей, он увидел, что они запрудили дорогу, и всякий, кто проходил мимо, вперед или назад, останавливался перед лавкой, и смотрел на это красивое лицо, и не мог от него оторваться. И все люди, мужчины и женщины, были согласны в этом и произносили слова сказавшего:

"Ты создал красоты, чтоб нас испытать,

И нам ты сказал: "О рабы, меня бойтесь!"

Прекрасен ты сам и прекрасное любишь

Твоим ли рабам да в меня не влюбиться?"

И когда купец Абд-ар-Рахман увидел, что люди толпятся вокруг его сына, и мужчины и женщины стоят рядами, уставившись на мальчика, он смутился до крайности и впал в недоумение, не зная, что делать. И не успел он опомниться, как подошел к нему, со стороны рынка, дервиш из странников, на котором было облачение праведных рабов Аллаха, и приблизился к мальчику и начал произносить стихи и проливать обильные слезы. И, увидев, что Камар-аз-Заман сидит, подобный ветви ивы, растущей на куче шафрана, он пролил слезы из глаз и произнес такие два стиха:

"Увидел я трость на куче камня.

Как месяц она, когда он блещет.

"Как имя?" – спросил. Он молвил: "Лу-лу".

Я крикнул: "Мне! Мне!" Он молвил: "Нет! Нет!" [670]

И затем дервиш стал не спеша подходить, поглаживая рукой свои седины. И толпа расступилась из почтения к нему, и когда он увидел мальчика, его ум и взор были ошеломлены, и к нему подошли слова сказавшего:

И вот красавец этот где то раз стоял,

В лице его светился месяц праздника,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И вдруг к нему почтенный подошел старик

Походкою неспешной он нарочно шел,

На нем следы виднелись строгой жизни.

Прошел ночей и дней он испытанья, запретное узнал и то, что можно.

И женщин и мужчин любил он страстно,

И тонким сделался, как зубочистка

Костями стал он, что покрыты кожей.

В искусстве этом был он истым персом,

И старец юношей ему казался,

В любви же к женщинам он был узритом,

Но в отраслях обеих был он сведущ.

И Зейнаб или Зейд – не различал он.

Любил красавиц он, любил их страстно,

Рыдал в кочевье, плакал над следами,

Сочтешь его, охваченного страстью,

Ты веткой, что качается от ветра.

Ведь твердость свойственна одним лишь скалам.

В искусстве страсти опытен был старец,

Внимателен и зорек в этом деле.

И трудное и легкое прошел он,

С оленем и с газелью обнимался.

Любя седых и безбородых равно.

И дервиш подошел к мальчику и подал ему стебель базилика. И отец мальчика положил руку в карман и, вынув несколько дирхемов, сказал: "Возьми свою долю, о дервиш, и уходи своей дорогой".

И дервиш взял у него дирхемы, и сел на скамью в лавке, перед мальчиком, и начал смотреть на него и плакать, испуская непрерывные вздохи, и слезы его были точно полноводные ручьи, и люди смотрели на него и порицали его, и одни говорили: "Все дервиши развратники". А другие говорили: "У этого дервиша от любви к мальчику в сердце пожар".

Что же касается до его отца, то, когда он увидел эти обстоятельства, он встал и сказал: "Выходи, о дитя мое, мы запрем лавку и уйдем домой. Не подобает нам в сегодняшней день покупать и продавать. Аллах великий пусть воздаст твоей матери за то, что она с нами сделала. Это она была причиной всего этого. О дервиш, – сказал он потом, – выходи, я запроу лавку".

И дервиш вышел, и купец запер лавку, и взял своего сына, и пошел. И дервиш следовал за ним, вместе с людьми, пока они не дошли до дому, и мальчик вошел в дом, и купец обернулся к дервишу и спросил его: "Что ты хочешь, о дервиш, и почему это, я вижу, ты плачешь?"

"О господин, – сказал дервиш, – я хочу быть твоим гостем сегодня вечером. Ведь гость – гость великого Аллаха". – "Добро пожаловать гостю Аллаха, – сказал купец, – входи, о дервиш..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестьдесят пятая ночь

Когда же настала девятьсот шестьдесят пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда дервиш сказал купцу, отцу Камар-аз-Замана: "Я гость Аллаха", купец ответил ему: "Добро пожаловать гостю Аллаха! Входи, о дервиш". А про себя купец сказал: "Если этот дервиш влюбился в мальчика и потребует от него мерзости, я обязательно убью его сегодня ночью и скрою его могилу, а если в нем нет разврата, то пусть гость съест свою долю".

И потом он ввел дервиша и Камар-аз-Замана в одну комнату и сказал потихоньку Камар-аз-Заману: "О дитя мое, садись рядом с дервишем и подразни его и поиграй с ним, после того как я от вас выйду. И если он потребует от тебя дурного, я буду смотреть на вас из окна, которое выходит в эту комнату, и спущусь к нему и убью его".

И когда дервиш остался с мальчиком один в комнате и тот сел рядом с дервишем, дервиш стал смотреть на него, и вздыхать, и плакать. И когда мальчик заговаривал с ним, он отвечал ему мягко, а сам дрожал и оглядывался на мальчика, вздыхая и плача. И пришло время ужина, и дервиш стал есть, и глаза его были устремлены на мальчика и не переставали плакать. И когда прошла четверть ночи, и кончилась беседа, и пришло время спать, отец мальчика сказал: "О дитя мое, постарайся сам служить твоему дяде дервишу и не перечь ему", – и хотел выйти. Но дервиш сказал ему: "О господин мой, возьми своего сына с собой или спи с нами". – "Нет, – сказал купец, – вот мой сын – он будет спать с тобой. Может быть, твоя душа чего-нибудь захочет, и тогда мой сын исполнит твою нужду и будет тебе служить".

И он вышел, и оставил их, и сел в другой комнате, где было окно, выходившее в комнату тех двоих, и вот что было с купцом.

Что же касается мальчика, то он подошел к дервишу и стал его распалать и предлагать ему себя. И дервиш рассердился и сказал: "Что это такое за слова, о дитя мое! Прибегаю к Аллаху от сатаны, битого камнями! О боже мой, это осуждается и неуютно тебе! Удались от меня, о дитя мое!" И дервиш поднялся со своего места и сел далеко от мальчика, но тот последовал за ним, и бросился ему на грудь и сказал: "Почему, о дервиш, ты лишаешь себя услады близости со мной, когда мое сердце тебя любит?" И гнев дервиша усилился, и он воскликнул: "Если ты не отступишься от меня, я позову твоего отца и расскажу ему о твоём деле". – "Мой отец, – сказал мальчик, – знает, что я такой, и невозможно, чтобы он помешал мне. Залечи же мое сердце! Почему ты от меня отказываешься? Разве я тебе не нравлюсь?" – "Клянусь Аллахом, о дитя мое, – сказал дервиш, – я не сделаю этого, даже если буду изранен острыми мечами!"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И он произнес слова поэта:

"Мое сердце прекрасных любит, и женщин

И мужчин, и не буду я в этом медлить.

Нет, и в полдень увижу их и под утро,

Сыном Лота, иль блудником я не буду".

И он заплакал и сказал мальчику: "Встань, открой мне дверь, и я уйду своей дорогой. Не буду я больше спать в этом месте!" И он поднялся на ноги, но мальчик уцепился за него и стал говорить: "Посмотри, как сияет мое лицо, как красны мои щеки и мягки мои члены и нежны мои губы".

И потом он обнажил ногу, приводящую в смущение вино и кравчего, и посмотрел на дервиша взором, обессиливающим волшебников и колдунов, и был он редкостно красив и мягок в своей изнеженности, как сказал о нем кто-то из сказавших:

Мне не забыть, как он поднялся, обнажив

Нарочно ногу, блестящую, как жемчуг.

Не дивитесь же, что настал уж день воскресенья – в

В день воскресенья обнажатся ноги [671].

И потом юноша показал ему свою грудь и сказал: "Посмотри на мои соски – они прекраснее сосков девушки, а моя слюна слаще растительного сахара. Брось благочестие и воздержание и избавь рас от богомольности и набожности! Воспользуйся моей близостью и насладись моей красотой. Не бойся ничего совершенно – ты в безопасности от дурного. Оставь равнодушие скверное это свойство?"

И он стал ему показывать и открывать то, что было скрыто из его прелестей, и ослаблять поводья его ума своими движениями, а дервиш отворачивал лицо и говорил: "Прибегаю к Аллаху! Стыдись, о дитя мое! Это дело запретное, и я не сделаю его даже во сне!" И мальчик стал настаивать, и дервиш вырвался от него и, обратившись к кыбле, начал молиться; и мальчик, увидев, что он молится, оставил его. И дервиш совершил молитву в два раката и произнес возглас приветствия, и тогда мальчик хотел подойти к нему, но дервиш начал молиться второй раз и совершил молитву в два раката, и сделал это в третий раз, и в четвертый, и в пятый. И мальчик сказал ему: "Что это за молитва! Разве ты хочешь взлететь к облакам? Ты погубил нам веселье, простояв всю ночь в михрабе".

И затем мальчик бросился к дервишу и начал целовать его меж глаз, и дервиш сказал ему: "О дитя мое, прогони от себя шайтана и соблюдай повиновение всемирному!" Но мальчик воскликнул: "Если ты не сделаешь того, что я хочу, я позову отца и скажу ему: дервиш хочет со мной сделать мерзость, – и он войдет к тебе и побьет тебя так, что сломает кости под твоим мясом".

А отец его при всем этом смотрел глазами и слушал ушами, и он уверился в том, что в дервише нет разврата, и сказал себе: "Если бы этот дервиш был развращен, он бы не стал терпеть всей этой тяготы".

А мальчик все пробовал соблазнять дервиша, и всякий раз, как тот хотел начать молитву, прерывал ее, так что дервиш рассердился на мальчика до крайности и стал с ним груб и побил его. И мальчик заплакал, и его отец вошел к нему, и вытер ему слезы, и, успокоив его, сказал дервишу: "О, брат мой, раз ты такой, чего же ты плакал и горевал, когда увидел моего сына? Есть ли для этого какая-нибудь причина?" – "Да", – сказал дервиш. И купец молвил: "Когда я увидел, что ты плачешь при виде мальчика, я подумал о тебе дурное и велел мальчику так делать, чтобы испытать тебя, и задумал, если я увижу, что ты требуешь от него мерзости, войти к тебе и убить тебя. Но когда я увидел, как ты поступил, я узнал, что ты до крайности праведен. Но, ради Аллаха, расскажи мне о причине твоего плача".

И дервиш вздохнул и сказал: "О господин мой, не бери успокоившиеся раны". И купец воскликнул: "Обязательно расскажи мне!"

И тогда дервиш молвил: "Знай, что я дервиш, блуждающий по землям и странам, чтобы извлечь назидание из творений создателя ночи и дня. И случилось мне войти в город Басру в день пятницы, на заре дня..."

И Шахразаду застало утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестьдесят шестая ночь

Когда же настала девятьсот шестьдесят шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что дервиш говорил купцу: "Знай, что я дервиш странствующий, и случилось мне войти в город Басру в день пятницы, на заре дня. И я увидел, что лавки отперты, и в них всякие товары, снедь и напитки, но они пусты, и нет в них мужчины, женщины, девочки или мальчика, и нет на площадях и рынках ни собак, ни кошек, и не слышно там шума и не видно человека, и удивился, и сказал: "Посмотреть бы, куда девались люди этого города с их кошками и собаками и что сделал с ними Аллах".

А я был голоден и взял горячего хлеба из пекарни хлебопека, и, войдя в лавку масленика, намазал хлеб топленным маслом и медом, и поел. А потом я вошел в лавку с напитками и попил, чего хотел. И я увидел, что кофейня открыта, и вошел туда, и увидел кофейники на огне, полные кофе, но и там никого не было. И я напился вдоволь и сказал: "Поистине, это удивительная вещь! Похоже, что к жителям этого города пришла смерть, и они все сейчас умерли, или они испугались чего-нибудь, что их постигло, и вбежали и не могли запереть своих лавок".

И когда я размышлял об этом деле, вдруг послышались звуки музыки, и я испугался, и сидел некоторое время, спрятавшись, и смотрел через отверстия и щели. И я увидел невольниц, подобных луне, которые шли по рынку пара за парой, без покрывал, а наоборот, с открытыми лицами, и было их сорок пар – восемьдесят невольниц. И я увидел девушку, ехавшую на коне, который не мог передвигать ноги – так много было на нем и на девушке золота, и серебра, и драгоценных камней. И эта девушка была с открытым лицом, без покрывала, и она была украшена самыми роскошными украшениями и одета в роскошнейшие одежды. На шее у нее были бусы из драгоценных камней, а на груди золотые ожерелья, и на ее руках были запястья, сияющие, как звезды, а на ногах – золотые браслеты, украшенные дорогими металлами. И невольницы окружали ее, а перед нею шла девушка, перевязанная великолепным мечом с изумрудной рукояткой и золотыми подвесками, украшенными драгоценностями.

И когда эта девушка достигла той части улицы, что была против меня, она натянула узду коня и сказала: "О девушки, я услышала какой-то шум внутри этой лавки. Общайте ее, чтобы в ней не сидел кто-нибудь спрятанный, кто хочет посмотреть на нас, когда мы с открытыми лицами".

И невольницы обыскали лавку, стоявшую перед кофейной, где я спрятался, и я испугался и увидел, что невольницы вывели какого-то человека и сказали девушке: "О госпожа, мы увидели там человека, и вот он перед тобой". И девушка сказала невольнице, у которой был меч: "Скинь ему голову". И невольница подошла к этому человеку, и отрубила ему голову, и оставила его валяться на земле, и они ушли. И я испугался, увидев это обстоятельство, но любовь к девушке привязалась к моему сердцу.

А через некоторое время появились люди, и всякий, у кого была лавка, вошел в нее. И люди стали ходить по рынкам и собрались вокруг убитого, смотря на него. И я потихоньку вышел из своего укрытия, и никто меня не заметил, и любовь к девушке овладела моим сердцем. И

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

я стал потихоньку распытывать, кто она, но никто не рассказал мне про нее. И после этого я вышел из Басры, и в сердце моем из-за любви к девушке была печаль. И когда я увидел этого твоего сына, я увидел, что он больше всех людей похож на ту девушку, и он взволновал во мне огонь любви и разжег в моем сердце пламя страсти. И вот причина моего плача". И потом дервиш заплакал сильным плачем, больше которого нет, и сказал: "О господин мой, ради Аллаха, открой мне дверь, чтобы я ушел своей дорогой". И купец открыл ему дверь, и он ушел.

Вот что было с ним. Что же касается Камар-аз-Замана, то, когда он услышал слова дервиша, ему ум заняла любовь к этой девушке, и овладела им страсть, и взволновалась в нем любовь и увлечение. И когда наступило утро, он сказал своему отцу: "Все дети купцов путешествуют по странам, чтобы достичь желаемого, и нет среди них никого, кому бы отец не собрал товаров и кто бы не отправился с ними путешествовать и не получил бы прибыли. Почему, о батюшка, ты не соберешь мне товаров, чтобы я поехал путешествовать и посмотрел, каково мое счастье?" – "О дитя мое, – ответил ему отец, – у купцов мало денег, и они посылают своих детей в путешествие ради прибыли и дохода, чтобы добыть мирские блага. Что же касается меня, то у меня много денег, и нет во мне жадности, так как же я отправлю тебя на чужбину? Я не могу расстаться с тобою ни на минуту, тем более что ты бесподобен по красоте, прелести и совершенству, и я боюсь за тебя". – "О батюшка, – сказал Камар-аз-Заман, – невозможно, чтобы ты не собрал мне товаров и я бы не поехал с ними в путешествие – иначе я обману тебя и убегу хотя бы без денег и без товаров. И если ты хочешь успокоить мое сердце, то собери мне товаров, и я попутешествую и посмотрю на чужие страны.

И когда отец мальчика увидел, что тот привязался и мысли о путешествии, он рассказал об этом своей жене и сказал ей: "Твой сын хочет, чтобы я собрал ему товаров, и он отправился бы с ними в чужие страны, на чужбину, хотя на чужбине – горе". И жена ответила ему: "Какой тебе будет от этого вред? Таков обычай детей купцов, и все они похваляются путешествиями и прибылью". – "Большинство купцов, – молвил ее муж, – бедняки, и они ищут преумножения денег, а что до меня, то у меня денег много". "Увеличение добра не вредит, – отвечала его жена, – и если ты не согласишься на это, я соберу ему товаров из своих денег". – "Я боюсь для него чужбины, – сказал купец, – так как чужбина – Злая горесть". И жена его возразила: "Нет беды на чужбине, если там есть прибыль, а иначе наш сын уйдет, и мы будем его искать, и не найдем, и опозоримся перед людьми".

И купец внял словам жены и собрал своему сыну товаров на девяносто тысяч динаров. И мать дала сыну кошель, в котором было сорок драгоценных камней, и наименьшая цена каждого из них была пятьсот динаров.

"О дитя мое, – сказала она, – береги эти драгоценные камни, – они помогут тебе". И Камар-аз-Заман взял все это и поехал в Басру..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестьдесят седьмая ночь

Когда же настала девятьсот шестьдесят седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман взял все это и поехал в Басру. Драгоценные камни он положил в кожаный пояс и обвязал его вокруг стана. И он ехал до тех пор, пока между ним и Басрой не остался один переход. И напали на него кочевники, и раздели его, и убили его людей и слуг. И Камар-аз-Заман лег между убитыми и вымазал себя кровью, и кочевники подумали, что он убит, и оставили его, и никто к нему не приблизился. И они взяли его деньги и ушли. И когда кочевники ушли своей дорогой, Камар-аз-Заман поднялся среди убитых и пошел, и он не владел ничем, кроме драгоценных камней, которые были у него в поясе.

И Камар-аз-Заман шел до тех пор, пока не вошел в Басру. И случилось, что день его прихода была пятница, и город был пуст, как рассказывал дервиш.

И Камар-аз-Заман увидел, что рынки пусты и лавки отперты, но полны товаров. И он поел, и попил, и стал все рассматривать. И когда это было так, он вдруг услышал, что играет музыка, и спрятался в одной лавке, и пришли девушки. Камар-аз-Заман посмотрел на них, и вдруг увидел женщину, ехавшую на коне, и его охватила любовь и страсть, и овладело им такое увлечение и любовное безумие, что он еле устоял на ногах.

А через некоторое время появились люди, и рынки наполнились. И Камар-аз-Заман направился на рынок к одному торговцу драгоценными камнями. Он вынул один из тех сорока камней, который стоил тысячу динаров, и продал его этому человеку, и вернулся в свое помещение и провел там ночь. А когда наступило утро, он переменял одежду и сходил в баню и вышел, подобный полной луне. И он продал четыре камня за четыре тысячи динаров, и стал гулять по улицам Басры, одетый в самую роскошную одежду, и отправился на рынок.

И увидел он на рынке одного цирюльника, и, подойдя к нему, побрил у него голову, и завязал с ним дружбу, и сказал: "О батюшка, я из чужих стран, вчера я вошел в этот город, и увидел, что он пуст, и нет в нем никого – ни человека, ни джинна. И я увидел девушек, и среди них молодую женщину, ехавшую на коне, со свитой".

И он рассказал цирюльнику о том, что видел, и цирюльник сказал:

"О дитя мое, рассказывал ли ты еще кому-нибудь об этом?" – "Нет", отвечал Камар-аз-Заман. И цирюльник сказал: "О дитя мое, берегись говорить такие слова кому-нибудь, кроме меня, – люди не скрывают слов и тайн, а ты – маленький мальчик, и я боюсь, что твои слова станут переходить от одних к другим и достигнут тех, о ком они сказаны, и тебя убьют. Знай, о дитя мое, что то, что ты видел, не видел никто, и это неизвестно никому вне этого города, а что касается жителей Басры, то они умирают от этой горести. Каждую пятницу, на рассвете дня, они запирают собак и кошек и не дают им ходить по рынку. И все жители города входят в мечети и запирают за собой двери, и никто не может пройти по рынку и выглянуть из окна. И ни один человек не знает, в чем причина этой беды. Но сегодня ночью, о дитя мое, я спрошу мою жену о причине этого – она повитуха и вхожа в дом знатных и знает, что происходит в городе, – и, если захочет Аллах великий, ты придешь ко мне завтра, и я тебе расскажу, что она мне скажет".

И Камар-аз-Заман вынул пригоршню золота и сказал: "О батюшка, возьми это золото и отдай своей жене – она стала моей матерью". И потом он вынул вторую пригоршню и сказал: "Возьми это себе". И цирюльник молвил: "О дитя мое, посиди на месте, а я пойду к моей жене и спрошу ее и вернусь к тебе с правдивым рассказом".

И он оставил его в лавке, и пошел к своей жене, и рассказал ей об этом юноше, и сказал: "Я хочу, чтобы ты рассказала мне истину о делах этого города, а я расскажу тому юноше-купцу – он очень хочет знать, почему люди и животные не допускаются на рынок по утрам в день пятницы. Я думаю, что он влюблен, а он щедр и великодушен, и когда мы ему расскажем, нам достанется от него великое благо".

И жена цирюльника отвечала: "Ступай приведи его и скажи: "Иди поговори с твоей матерью – моей женой! Она передает тебе привет и говорит: "Нужда исполнена!"

И цирюльник пошел на рынок и увидел, что Камар-аз-Заман сидит и ждет его. Он рассказал ему обо всем и сказал: "О дитя мое, пойдём к твоей матери – моей жене. Она говорит тебе, что нужда исполнена".

И потом он взял его и шел с ним, пока не вошел к своей жене. И она сказала юноше: "Добро пожаловать!" И усадила его, и Камар-аз-Заман вынул сто динаров, и отдал их ей, и сказал: "О матушка, расскажи мне про эту женщину, кто она такая". – "О дитя мое, – ответила жена цирюльника, знай, что к султану Басры прибыл драгоценный камень от царя Индии, и он захотел его просверлить. Он позвал всех ювелиров и сказал им: "Я хочу, чтобы вы просверлили мне этот камень. Тому, кто его просверлит, я позволю пожелать от меня, и что бы он ни пожелал, я ему дам, а если он сломает камень – я скину с него голову". И ювелиры испугались и сказали: "О царь времени, драгоценный камень быстро погибает, и редко случается, чтобы кто-нибудь просверлил его и не разбил. Не обременяй же нас тем, что нам не под силу. Наши руки не могут просверлить этого камня, но наш шейх опытнее нас". – "А кто ваш шейх?" – спросил царь. И ему сказали: "Мастер

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Убейд, он опытнее нас в этом ремесле. У него много денег и хорошее звание. Пошли за ним, приведи его к себе и прикажи ему просверлить тебе этот камень".

И царь послал за Убейдом и велел ему просверлить камень, заключив с ним упомянутое условие. И Убейд взял камень и просверлил его так, как хотелось царю. И царь сказал: "Пожелай от меня, о мастер". Но Убейд молвил: "О царь времени, дай мне отсрочку до завтра". А причиной этого было то, что он хотел посоветоваться со своей женой, которой была та самая женщина, что ты видел в пышном шествии. И он любил ее сильной любовью, и от великой своей любви к ней ничего не делал, не посоветовавшись с нею, и поэтому просил дать ему отсрочку, пока он не посоветуется.

И когда Убейд пришел к своей жене, он сказал: "Я просверлил царю драгоценный камень, и он обещал мне исполнить любое мое желание, и я отсрочил его назвать ему, пока не посоветуюсь с тобой. Чего же ты хочешь, чтобы я пожелал?" И жена его сказала: "У нас денег столько, что их не пожрут огни. Если ты меня любишь, пожелай от царя вот что. Пусть на улицах Басры кричат, чтобы жители города входили в мечети в день пятницы, за два часа до молитвы, и чтобы не оставалось в городе ни большого, ни малого, который бы не был в мечети или в доме, и пусть их запирают за воротами мечетей и домов, но лавки в городе оставляют открытыми, а я с моими невольницами буду проезжать по городу, и пусть никто не смотрит на меня из окна или из-за оконной решетки. И всякого, на кого я наткнусь, я убью".

И ювелир пошел к царю и пожелал от него это желание, и царь даровал ему то, что он пожелал, и велел кричать среди жителей Басры..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестьдесят восьмая ночь

Когда же настала девятьсот шестьдесят восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царь даровал ювелиру то, что он пожелал, люди сказали: "Мы боимся для товаров вреда от кошек и собак". И царь велел запираить их на время, пока люди не выйдут после соборной молитвы. И эта женщина стала выезжать каждую пятницу на улицы Басры, за два часа до молитвы. И никто не мог пройти по рынку и выглянуть из окна или из оконной решетки. И вот в чем причина всего этого. Я осведомила тебя о девушке, но желаешь ли ты, о дитя мое, узнать о ее деле, или ты желаешь сблизиться с нею?" – "О матушка, – сказал Камар-аз-Заман, – я хочу с ней сблизиться". – "Расскажи мне, что у тебя есть из роскошных сокровищ", – сказала жена цирюльника. И Камар-аз-Заман молвил: "У меня есть дорогие камни четырех видов: одни – ценой в пятьсот динаров каждый, другие – по семьсот динаров, третьи – по восемьсот динаров и четвертые – по тысяче динаров". – "А согласна ли твоя душа отдать четыре из них?" – спросила жена цирюльника. "Моя душа согласна отдать все", – ответил Камар-аз-Заман. И она молвила: "О дитя мое, я тебя не прогоняю, но поднимайся и вынь один камень ценой в пятьсот динаров. Спроси, где лавка мастера Убейда, шейха ювелиров, и пойди к нему – ты увидишь, что он сидит в своей лавке, одетый в роскошные одежды, и у него работают мастера. Пожелай ему мира, сядь возле лавки, вынь камень и скажи: "О мастер, возьми этот камень и оправь его для меня золотом в перстень, но не делай его большим, а сделай величиной с мискаль, не больше, и сработай его как следует". А потом дай ему двадцать динаров, и дай каждому из работников по динару, и посиди у него немного, и поговори с ним. Когда подойдет к тебе нищий, дай ему динар и проявляй щедрость, чтобы ювелира охватила любовь к тебе. А потом пойди к себе и проспи ночь, а наутро возьми с собой сто динаров и отдай их твоему отцу – он бедный". – "Пусть будет так", – сказал Камар-аз-Заман.

И, выйдя от нее, он пошел на постоялый двор и взял камень ценой в пятьсот динаров, а потом направился на рынок драгоценных камней и спросил, где лавка мастера Убейда, шейха ювелиров. И ему показали его лавку, и, подойдя к ней, Камар-аз-Заман увидел, что шейх ювелиров – человек почтенный, и на нем роскошная одежда, и у него работают четыре мастера.

"Мир с вами", – сказал ему Камар-аз-Заман. И Убейд возвратил ему приветствие, и сказал: "Добро пожаловать!" – и посадил его. И Камар-аз-Заман сел и, вынув камень, сказал: "О, мастер, я хочу, чтобы ты оправил мне этот камень золотом в перстень, но сделай его величиной в мискаль, не больше, и оправь его хорошей оправой".

И он вынул двадцать динаров и сказал: "Возьми это за шлифовку, а плата за работу останется за мной". И он дал каждому мастеру по динару, и мастера полюбили его, и мастер Убейд тоже его любил. И Камар-аз-Заман сидел и беседовал с ним, и всякому нищему он давал динар, и все удивлялись его щедрости.

А у мастера Убейда были в доме инструменты, – такие же, что и в лавке. И у него был обычай, когда он хотел сделать что-нибудь диковинное, работать дома, чтобы мастера не научились его диковинной работе. А та женщина, его жена, сидела перед ним, и когда она была перед ювелиром и он смотрел на нее, он мог делать всякие диковинные вещи, которые годились только для царей.

И он сидел и делал этот перстень у себя дома с удивительным искусством. И когда его жена увидела камень, она сказала: "Что ты хочешь сделать с этим камнем?" – "Я хочу оправить его золотом в перстень, сказал ювелир. – Ему цена пятьсот динаров". – "Для кого?" – спросила она. "Для одного юноши-купца, прекрасного обликом, – ответил Убейд. Его глаза ранят, и его щеки горят огнем, у него рот, как печать Сулеймана, щеки, как анемоны, и губы красные, как коралл, а шея у него, как шея газели, и он белый, напоенный румянцем, изящный, тонкий и щедрый, и он сделал то-то и то-то".

И ювелир так описывал жене красоту и прелесть Камар-аз-Замана, так описывал ей его щедрость и совершенства, и столько говорил ей об его красотах и благородном нраве, что влюбил ее в него (а нет большего сводника, чем тот, кто описывает своей жене человека и говорит об его красоте и прелести и крайней щедрости на деньги).

И когда жену ювелира переполнила страсть, она сказала: "А есть в нем какие-нибудь из моих красот". И ювелир ответил: "Все твои красоты. Они все в нем, и он сходен с тобой по облику, и, может быть, его возраст таков же, как твой возраст. И если бы я не боялся не уважить тебя, я бы сказал, что он лучше тебя в тысячу раз". И жена ювелира промолчала, но в ее сердце запылал огонь любви к юноше. А ювелир не переставал разговаривать с нею, перечисляя его красоты, пока не кончил делать перстень. И потом он подал его своей жене, и та надела его, и он пришелся по размеру ее пальца. И тогда она сказала: "О господин мой, мое сердце полюбило этот перстень, и хочу, чтобы он был мой, я не сниму его с пальца". "Потерпи, – сказал ей ювелир. – Его владелец щедр, и я постараюсь купить у него этот перстень. Если он мне продаст, я принесу его тебе. А если у него есть другой камень, я куплю его для тебя и оправлю как этот..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Девятьсот шестьдесят девятая ночь

Когда же настала девятьсот шестьдесят девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что ювелир сказал своей жене: "Потерпи – его владелец щедр, и я постараюсь купить этот перстень у него, и если он мне его продаст, принесу его тебе. А если у него есть другой камень, я куплю его и оправлю для тебя, как этот".

Вот что было с ювелиром и его женой. Что же касается Камар-аз-Замана, то он переночевал у себя, а наутро взял сто динаров и, придя к старухе, жене цирюльника, сказал ей: "Возьми эти сто динаров". И она молвила: "Отдай их твоему отцу". И когда Камар-аз-Заман отдал деньги цирюльнику, она спросила: "Сделал ли ты, как я тебе сказала?" – "Да", – отвечал юноша. И она молвила: "Вставай теперь и отправляйся к шейху ювелиров. Когда он даст тебе перстень, надень его на конец пальца, потом быстроними и скажи: "О мастер, ты ошибся – перстень вышел узкий!" И он спросит тебя: "О купец, сломать ли мне его и сделать пошире". И ты скажи: "Не нужно его ломать и делать второй раз. Возьми его и отдай невольнице из твоих невольниц". А потом вынь другой камень, цена которого будет семьсот динаров, и скажи: "Возьми этот камень и оправь его для меня, он лучше, чем тот". И дай ему тридцать динаров, а каждому мастеру дай по два динара и скажи ювелиру: "Эти динары – за чеканку, а плата за работу остается за мной". И потом возвратись в свое жилище и переночуй там, а утром приходи и принеси с собой двести динаров, и я довершу для тебя остальную хитрость".

И Камар-аз-Заман отправился к ювелиру, и тот приветствовал его и посадил возле лавки. И Камар-аз-Заман спросил его: "Исполнил ли ты

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

заказ". – "Да", – ответил ювелир и подал ему перстень. И Камар–аз–Заман взял его и надел на конец пальца, а затем быстро снял и сказал: "Ошибся, о мастер!" И он бросил ему перстень и воскликнул: "Он тесен для моего пальца!" И ювелир спросил: "О купец, расширить мне его?" – "Нет, – отвечал Камараз–Заман, – но возьми его в подарок и надень его комунибудь из своих невольниц. Цена ему пустяковая, так как он стоит пятьсот динаров, и не нужно его оправлять второй раз".

И затем он вынул другой камень, ценой в семьсот динаров, и сказал: "Оправь этот". И дал ювелиру тридцать динаров, а каждому мастеру дал два динара, и ювелир сказал: "О господин, когда мы оправим перстень, мы возьмем за него плату". Но Камар–аз–Заман молвил: "Это за чеканку, а плата остается".

И он оставил ювелира и ушел, и ювелир оторопел от великой щедрости Камар–аз–Замана, и мастера тоже. А потом ювелир отправился к своей жене и сказал ей: "О такая–то, мои глаза не видели никого щедрее этого юноши, а ты – твое счастье хорошее, так как он отдал мне перстень даром и сказал: "Отдай его комунибудь из твоих невольниц". И он рассказал жене всю историю и затем сказал: "Я думаю, этот юноша не из сыновей купцов – он из сыновей царей или султанов".

И всякий раз, как ювелир хвалил Камар–аз–Замана, в его жене усиливалась любовь к нему, и страсть, и увлечение. И она надела перстень, а ювелир сделал Камар–аз–Заману второй, немного шире, чем первый. И когда он кончил работу, его жена надела этот перстень и держала на пальце дальше первого и сказала: "О господин мой, посмотри, как красивы эти два перстня на моем пальце. Я хочу, чтобы оба перстня были мои". – "Потерпи, – сказал ювелир, – может быть, я куплю для тебя и второй". И затем он проспал ночь, а утром взял перстень и отправился в лавку.

Вот то, что было с ним. Что же касается Камар–аз–Замана, то он пошел утром к старухе, жене цирюльника, и дал ей двести динаров. И старуха сказала: "Отправляйся к ювелиру, и когда он отдаст тебе перстень, надень его на палец, но затем быстро сними его и скажи: "Ты ошибся, о мастер, перстень вышел широкий. Когда мастеру, такому, как ты, приносит работу подобный мне, тот должен снять мерку. Если бы ты снял мерку с моего пальца, ты не ошибся". А потом вынь другой камень, цена которому тысяча динаров, и скажи ювелиру: "Возьми этот и оправь его, а тот перстень отдай невольнице из своих невольниц". И дай ему сорок динаров, а каждому мастеру дай по три динара и скажи: "Это за чеканку, а что до платы за работу, то она остается за мной". И посмотри, что он скажет. А потом приходи и принеси с собой триста динаров – отдай их твоему отцу, чтобы он помогал ими себе в жизни, он ведь человек бедный по состоянию". "Слушаю и повинуюсь!" – отвечал Камар–аз–Заман.

И потом он отправился к ювелиру, и тот сказал ему: "Добро пожаловать!" И посадил его, и дал ему перстень. И Камар–аз–Заман надел перстень на палец, и быстро снял его, я сказал: "Надлежит такому мастеру, как ты, когда приносит ему подобный мне работу, снимать мерку. Если бы ты снял мерку с моего пальца, ты бы не ошибся. Но возьми перстень и отдай кому–нибудь из своих невольниц".

И затем он вынул камень ценой в тысячу динаров и сказал: "Возьми этот камень и оправь его для меня в перстень по мерке моего пальца". И ювелир воскликнул: "Ты прав, и истина с тобой!" И он снял мерку, и Камар–аз–Заман вынул сорок динаров и сказал ему: "Возьми это за чеканку, а плата за работу останется за мной". – "О господин, – сказал ювелир, – сколько раз мы брали с тебя плату! Твои милости к нам велики!" И Камар–аз–Заман ответил: "Не беда!" И он побеседовал с ним некоторое время, и всякий раз, как мимо проходил нищий, он подавал ему динар, а потом он оставил ювелира и ушел.

Вот то, что было с ним. Что же касается ювелира, то он отправился домой и сказал своей жене: "Как щедр этот юноша–купец! Я не видел никого щедрее и красивее и нежнее речами". И он стал говорить своей жене о красотах и щедрости Камар–аз–Замана, далеко заходя в похвалах ему. И жена его сказала: "О необходимый! Если ты знаешь в нем эти качества и он дал тебе два драгоценных перстня, тебе следует его пригласив и сделать ему угощение и подружиться с ним. Когда он увидит от тебя дружбу и придет в наше жилище, ты, может быть, получишь от него большее благо. А если ты не согласен сделать ему угощение, то пригласи его, и я сделаю ему угощение от себя". – "Разве ты считаешь, что я скупой, что говоришь такие слова?" – воскликнул ювелир. И жена его сказала: "Ты не скупой, но необходимый. Пригласи его сегодня вечером и не приходи без него, а если он будет отказываться, заклинай его разводом и настаивай". – "На голове и на глазах!" – сказал ювелир. И потом он оправил перстень и лег спать, а наутро, в третий день, отправился в лавку и сел там.

Вот что было с ним. Что же касается Камар–аз–Замана, то он взял триста динаров, отправился к старухе и отдал их ее мужу. И она сказала ему: "Может быть, ювелир тебя пригласит сегодня, и если он тебя пригласит и ты будешь у него ночевать, то, что бы с тобой ни случилось, расскажи мне утром и принеси с собой четыреста динаров и отдай их твоему отцу". И Камар–аз–Заман сказал: "Слушаю и повинуюсь!" (а всякий раз, как у него кончались деньги, он продавал часть камней) – и отправился к ювелиру, и тот поднялся к нему, и заключил его в объятия, и пожелал ему мира, и завязал с ним дружбу. И он вынул перстень, и Камар–аз–Заман увидел, что перстень – по его мерке, и сказал: "Да благословит тебя Аллах, о господин из мастеров! Оправа подходит, но камень не такой, как я хочу..."

И Шахразуду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до девятисот семидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до девятисот семидесяти, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар–аз–Заман сказал ювелиру: "Оправа подходит, но камень не такой, как я хочу, у меня есть лучшие. Возьми этот и отдай его кому–нибудь из своих невольниц".

И он вынул другой камень и сто динаров и сказал: "Возьми твою плату и не взыщи с нас, – мы тебя утомили". И ювелир сказал ему: "О купец, то, из–за чего мы утомлялись, ты нам отдал, и ты пожаловал нам многое. К моему сердцу привязалась любовь к тебе, и я не могу с тобой расстаться. Заклинаю тебя Аллахом, будь моим гостем сегодня вечером и залечи мое сердце". – "Это недурно, – сказал Камар–аз–Заман, – но я обязательно должен отправиться в хан, чтобы предупредить моих слуг и сказать им, что я не ночую в хане, чтобы они меня не ждали". – "А ты стоишь в каком хане?" – спросил ювелир. И Камар–аз–Заман сказал: "В таком–то хане". И ювелир воскликнул: "Я к тебе туда приду!" – "Это недурно", – сказал Камар–аз–Заман. И ювелир отправился в этот хан перед закатом, боясь гнева своей жены, если он придет домой без гостя, и взял Камар–аз–Замана и привел его к себе в дом. И они сели в комнате, которой нет подобной, а женщина увидела Камар–аз–Замана, когда он входил в дом, и пленилась им. И Камар–аз–Заман с ювелиром разговаривали, пока не принесли ужин, и они поели и попили, а потом им принесли кофе и напитки. И ювелир не переставал развлекать Камар–аз–Замана беседой до ночной молитвы. И они совершили обязательную молитву, и потом вошла к ним невольница, неся две чашки с питьем, и когда они выпили, их одолел сон, и они заснули. И тогда пришла та женщина и, увидев, что они спят, стала смотреть в лицо Камар–аз–Замана, и его красота ошеломила ей ум. И она воскликнула: "Как может спать тот, кто любит красавиц!"

И потом она повернула его навзничь и села ему на грудь, и от сильной ярости в страсти к нему она осыпала его щеки градом поцелуев, так что они оставили след на его щеках, и усилился румянец Камар–аз–Замана, и его щеки заблестели. И женщина припала к его губам и стала их сосать, и она до тех пор сосала ему губы, пока кровь не выступила у нее на губах. И при всем этом огонь в ней не погасал, и ее жажда не утолялась. И она не переставала его целовать, и обнимать, сплетать ноги с ногами, пока не засияло чело утра и не заблестала сияющая заря, и потом она положила в карман Камар–аз–Замана четыре бабки [672], и оставила его, и ушла.

А после этого она послала свою невольницу с чем–то вроде нюхательного табака, и невольница вложила его им в ноздри, но они чихнули и пришли в себя, и невольница сказала им: "Знайте, господа мои, что молитва обязательна. Поднимайтесь же на утреннюю молитву!"

И она принесла им таз и кувшин, и Камар–аз–Заман сказал: "О мастер, время пришло, и мы перешли предел сна". И ювелир сказал купцу: "О друг мой, сон в этой комнате тяжелый. Всякий раз, как я в ней сплю, со мной случается такое дело". – "Твоя правда", – сказал Камар–аз–Заман. И потом он принялся за омовенье, и когда вода коснулась его лица, у него начали гореть щеки и губы. "Чудеса! – молвил он. – Если воздух в комнате был тяжелый и мы погрузились в сон, то почему у меня горят щеки и губы. О мастер, – сказал он потом, – щеки и губы у меня горят". И ювелир ответил: "Я думаю, что это от укусов комаров". – "Чудеса! – сказал Камар–аз–Заман. – А с тобой случается в этой комнате подобное?" – "Нет, ответил ювелир, – но когда у меня бывает гость, такой, как ты, он утром жалуется на укусы комаров, и это

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

бывает только, если гость, как ты, безбородый, а если он бородатый, то комары к нему не слетаются, и от комаров спасает меня только моя борода. Комары как будто не любят людей с бородами". – "Твоя правда", – сказал Камар-аз-Заман. А потом невольница принесла им завтрак, и они поели и вышли.

И Камар-аз-Заман отправился к старухе, и, увидав что, она сказала: "Я вижу следы счастья у тебя на лице. Расскажи мне, что ты видел". – "Я ничего не видел, – сказал Камар-аз-Заман, – я только поужинал с хозяином дома в комнате, и мы совершили вечернюю молитву, а потом легли спать и проснулись только утром". И старуха засмеялась и сказала: "Что это за следы у тебя на щеках и губах?" – "Комары в той комнате сделали со мной такие дела", – сказал Камар-аз-Заман. И старуха сказала: "Твоя правда! А случилось ли с хозяином дома то же самое, что случилось с тобой?" "Нет, – сказал Камар-аз-Заман, – но он мне рассказывал, что комары в этой комнате не вредят людям с бородой и летают только над безбородыми, и всякий раз, как у него бывает гость безбородый, он жалуется утром на укусы комара, а если он бородатый, с ним ничего такого не случается". "Твоя правда, – отвечала старуха. – А заметил ли ты что-нибудь, кроме этого?" – "Я нашел у себя в кармане четыре бабки", – сказал Камар-аз-Заман. "Покажи их мне", – попросила старуха. И Камар-аз-Заман дал ей бабки, и она взяла их и сказала смеясь: "Это твоя возлюбленная положила их тебе в карман". – "Как так?" – удивился Камар-аз-Заман. И старуха сказала: "Она говорит тебе знаками: "Если бы ты был влюблен, ты не спал бы, ибо тот, кто любит, не спит, а ты еще маленький, и тебе подходит играть в бабки. Что же побудило тебя Влюбляться в красавиц?" И она пришла к тебе ночью, и увидела, что ты спишь, и изранила тебе щеки поцелуями, и положила тебе этот знак. Но только ей не будет достаточно этого – напротив, она обязательно пришлет к тебе своего мужа, и он пригласит тебя сегодня вечером, и когда ты пойдешь с ним, не засыпай скоро. Захвати с собой пятьсот динаров и иди, а мне расскажи о том, что случится, и я доведу для тебя эту хитрость до конца". И Камар-аз-Заман сказал: "Слушаю и повинуюсь!" И пошел в хан.

Вот то, что было с ним. Что же касается жены ювелира, то она спросила своего мужа: "Ушел гость?" И он сказал: "Да, но только, о такая-то, комары беспокоили его сегодня ночью, и они искололи ему щеки и губы, и мне было перед ним стыдно". – "И такой уж обычай у комаров в нашей комнате, они любят только безбородых, – ответила его жена. – Но пригласи его на следующий вечер".

И ювелир отправился к Камар-аз-Заману в хан, где он жил, и пригласил его, и привел в ту комнату, и они поели, и попили, и совершили вечернюю молитву.

И тогда вошла невольница и дала каждому из них чашку..."

И Шахразаду застигло утро, я она прекратила дозволенные речи.